

М. А. САЛМИНА

Источники «Повести о зачале Москвы»

С. К. Шамбинаго в своем исследовании, посвященном повестям о Москве, указывает следующие источники, которыми, по его мнению, должен был пользоваться автор при составлении «Повести о зачале Москвы»: это, с одной стороны, предание о боярине Кучке, с другой — повесть об убийстве Андрея Боголюбского с отголосками в ней устных рассказов об участии в совершенном убийстве жены князя.¹ Особый интерес представляет то, что С. К. Шамбинаго удалось обнаружить непосредственный литературный источник части «Повести», рассказывающей об Андрее Боголюбском. Им оказался рассказ Хроники Константина Манасии «Царство Никифора Фоки».

Итак, первым источником той части «Повести о зачале Москвы», где рассказывается об убийстве Андрея Боголюбского, С. К. Шамбинаго считал одну из разновидностей «средневековой повести», где уже упоминалось об участии в убийстве Андрея его жены. Наиболее отчетливо эта версия сохранена в рассказе Тверской летописи, где речь идет о «болгарке», которая «дрьжаше к нему злую мысль» за походы на «болгарскую землю» и «жаловашеся на нь втайне Петру Кучкову зятю».² В этом рассказе есть, как видим, и второй мотив «Повести о зачале Москвы» — связь жены князя с его убийцей Петром. В рассказе Тверской летописи отражены, очевидно, какие-то древние предания об участии жены князя в его убийстве: следы этих преданий Н. Н. Воронин обнаружил в миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей рассказ о смерти Андрея.³

Но автор «Повести о зачале Москвы» знал также и те версии старшей повести об убийстве Андрея, которые восходят к редакции, сохраненной Ипатьевской летописью, где самый рассказ об убийстве обрамлен житийно-панегирической, идеализированной характеристикой Андрея. Именно отсюда автор «Повести» перенес в свой рассказ изображение князя аскетом, который и ночью шел молиться в церковь, «възлюбив нетленная паче тленных и небесная паче временных».⁴ Эта характеристика Андрея совпала с хронографическим изображением аскетических наклонностей Никифора Фоки. Поэтому не только «драматическая параллель между двумя средневековыми происшествиями» (участие жены в заговоре против мужа), от-

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 72—73; История русской литературы, т. II, ч. 2, Изд. АН СССР. М.—Л., 1948, стр. 245—246.

² ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, столб. 250—251.

³ См.: Н. Н. Воронин. Рецензия на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944). — Вестник АН СССР. М., 1945, № 9, стр. 112. — Огрубленную руку князя на этой миниатюре летописи держит женская фигура.

⁴ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, столб. 583—584.

меченная С. К. Шамбинаго,⁵ но и близость самых образов героев способствовала тому, что автор «Повести о зачале Москвы» перенес хронографический рассказ о заговоре против Фоки целиком в повествование о гибели князя Андрея, умолчав о политической причине убийства.

В статье «Сказания о начале Москвы» М. Н. Тихомиров указывает новый источник памятника. По мнению М. Н. Тихомирова, в основу «Повести о зачале Москвы», помимо предания о боярине Кучке, легли суздальские сказания, подобные заключающимся в сборнике Барсовского собрания № 1473 (ГИМ).⁶

Наблюдения С. К. Шамбинаго и М. Н. Тихомирова над текстом рассматриваемой «Повести» интересны и заслуживают полного внимания, однако сложение «Повести» представляется нам несколько иным.

Прежде всего отметим следующее. Помимо рассказа Хроники Константина Манассии, известного в переводе под названием «Царство Никифора Фоки», как нам удалось установить, на «Повесть» повлиял и другой рассказ той же Хроники, озаглавленный в переводе «Царство Левкия Таркиния». Обращение к нему было вызвано желанием автора «Повести» приравнять Москву — третий Рим к первому по поводу пролития крови при их основании. Этот рассказ Хроники повлиял на тот отрывок изучаемой «Повести», в котором идет речь о знамени при основании Капитолия в Риме. Это наглядно обнаруживается при сравнении:

Перевод Хроники
Константина Манассии

«Повесть о зачале Москвы»

Сему церковь в Риме восхотевшу здати и ров копающе обретоша главу внове заклана человека и кров нову и теплу точашу и лице являюще прилично к живым, еже увидев Енѣтинирне искусный и знаменем смотритель и рече, яко град сей глава многим языком будет, но по времени и по заклании и пролитии многих кровей.⁷

Первому бо Риму, зиждему от Рома и Ромила. И егда начаша Капетелнон здати и ров копающе, обретоша главу внове закланна человека нову и теплу кровь точашу и лице являюще к живым прилично. Ея же увидев ентинарни искусный знамением смотритель и рече, яко сей град глава будет многим, но по времени и по заклании, и по пролитии кровей многих.

Сличение отрывка «Повести» о закладке Капитолия в Риме с соответствующим местом перевода Хроники Манассии убеждает, что заимствование шло из русского извода этой Хроники, представленного на русской почве в Хронографе 1512 г. (или первой редакции Хронографа, по терминологии А. Попова), нашедшего отражение, в частности, в Никоновской летописи.⁸

⁵ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 75.

⁶ М. Н. Тихомиров. Сказания о начале Москвы. — ИЗ, т. 32. Изд. АН СССР. М.—Л., 1952, стр. 235—236.

⁷ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 227. — Отрывок «Повести о зачале Москвы» приводится по списку ГИМ, собр. Синод библ., № 964.

⁸ Хроника Константина Манассии известна лишь в славянском переводе. Древнерусские списки этой Хроники пока не обнаружены (см.: Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2, М., 1869, стр. 6—7; В. Истрин. Хронографы в русской литературе. — Византийский временник, т. V, СПб., 1898, в. 1—2, стр. 131—152; Miloš Weingart. Byzantské kroniky v literaturě církevně-slovanské. Přehled a rozbor filologický. Část 1. Bratislavě, 1922, стр. 160—236, а также рецензия на нее: В. Розов, Г. Вернадский. Slavia, R. III, s. 2. а 3, 1924, стр. 474—486; Henri Boissin. La traduction moyenbulgare de la Chronique de Manassès. — Revue des études slaves, t. 22. Paris, 1946, стр. 180—188 и др.). Когда мы говорим о переводе этой Хроники и ссылаемся при этом на Хронограф 1512 г., то имеем в виду, что Хронограф 1512 г. представляет русский извод этой Хроники в извлечениях. Собиратель Хронографа 1512 г. пользовался при его составлении славянским переводом Хроники Манассии

На Хронограф 1512 г. и на Никоновскую летопись как на возможные источники «Повести» указывал и С. К. Шамбинаго, когда рассматривал отрывок, рассказывающий об Андрее Боголюбском.

Итак, оба интересующих нас отрывка «Повести о зачале Москвы» — основание Капитолия в Риме и рассказ об Андрее Боголюбском — находятся в зависимости от текстов русского извода Манассиевой Хроники, читающегося в Хронографе 1512 г. и в Никоновской летописи. Представляется, однако, что не эта последняя явилась материалом для автора в названных отрывках: в Никоновской летописи содержится лишь один рассказ Манассиевой Хроники, использованный «Повестью», — рассказ об убийстве императора Никифора Фоки, отрывок же о закладке Капитолия в Риме в ней отсутствует. В Хронографе 1512 г. имеются оба текста — в нем говорится и об основании Капитолия, и об убийстве императора. Вряд ли при написании «Повести» автор обращался одновременно и к Никоновской летописи, и к Хронографу. Поэтому предполагаем, что источником разбираемых отрывков «Повести» мог послужить Хронограф 1512 г., если, впрочем, не было еще какого-либо компилятивного источника с обоими рассказами Хроники Манассии.

*

«Повесть о зачале Москвы», как неоднократно подчеркивалось исследователями, носит летописный характер. За исключением вступления о «трех Римях», все известия «Повести» — краткие или распространенные летописные записи с обозначением годов. Центральное событие «Повести» — основание Москвы Юрием Долгоруким на месте сел убитого им боярина Кучки — также помещено под одной из дат. Летописный характер известий «Повести» с неизбежностью подводит к вопросу: не была ли при создании ее использована летопись.

В хранилищах Москвы и Ленинграда нам встретились два летописца, известные под шифрами ГПБ, F.IV.343 и ГИМ, собр. Увар., № 670. Первый из них, имеющий заглавие «О российских великих князях и благочестивых великих царех и о победах на нечестивия татары и на лукавые немцы и о расширени всеа Российския и о зачале царствующаго града Москвы», писанный почерком начала XVIII в., охватывает события с 1015 (с момента вокняжения в Киеве Святополка) по 1700 г. (заклочение мира с турками; лл. 1—238 об.). Другой — ГИМ, собр. Увар., № 670 — с заглавием «Изложен летописец от Адама и до нынешних времен», конца XVII в., начинается «сотворением мира» и оканчивается 1690 г. (лл. 231—285).

При просмотре известий этих летописцев обнаружилось, что в них обоих среди записей XII—XIV вв. читаются отрывки, текстуально близкие к летописным известиям «Повести»: как части, завершающейся сообщением о наказании убийц Андрея Боголюбского, так и той, которая оканчивается смертью Ивана Калиты.⁹ Так, например, в них можно прочесть

(см.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 73—75). Хроника Манассии через Хронограф 1512 г. нашла отражение и в Хронографе 1617 г. Не ссылаемся на этот Хронограф, так как быть источником нашей «Повести» он не мог: в нем отсутствуют нужные строки о закладке Капитолия, а рассказ об императоре Фоке передан в несколько отличных от «Повести» выражениях (просмотрены следующие списки второй редакции Хронографа: F.IV.167, F.IV.246, Погод. 1445).

⁹ Смертью Ивана Калиты оканчивается старший список «Повести». — ГИМ, собр. Синод. библ., № 964. К выводу о его старшинстве мы пришли в результате текстоло-

рассказ о создании Москвы Юрием Долгоруким (без упоминания имени Кучки) и многое другое (см. таблицу на стр. 248—253). Все эти известия оказываются вкрапленными в общее летописное изложение.¹⁰

Сличение летописных записей «Повести» и сходных с ними отрывков обеих летописей со всеми изданными летописными текстами привело к заключению, что известия эти ближе всего к русским статьям Хронографа 1512 г. (см. таблицу на стр. 248—253).

«Повесть о зачале
Москвы» (ГИМ, собр.
Синод. библи., № 964)

Летопись (ГПБ,
F.IV.343)

Хронограф 1512 г.
(ПСРА, т. XXII, ч. 1.
СПб., 1911)

В лето убо 6633-го по преставлении благовернаго царя и великаго князя Владимира Всеволодича Монаха седе на великом княжении в Киеве сын его, князь Юрий Владимирович Манамах, а детей своих, князь Всеволод Юрьевич с ним, а другаго сына своего, князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго посади в Володимере.

И в лето 6666-го сему великому князю Юрию Владимировичю грядущу из Киева во Владимир к сыну своему, князю Андрею Юрьевичю. И прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва, оба полы Москвы-реки. Сими же селы владущу тогда боярину некоему богату сущу, зовому Кучку Иванову. Той же Кучко возгордился zelo и не почти великаго князя подобающе честию, яко же довлеет великим князем, но и поносив ему к тому.

По нем сяде на великом княжении в Киеве сын его, князь Юрий Владимирович, а сынове его (а детей его ГИМ, собр. Увар., № 670) Всеволод Юрьевич с ним, а другаго сына своего, князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго посади в Володимере (л. 5 об.).

В лето 6666 князь великий Юрья Владимирович шол ис Киева во Владимир к сыну своему князю Адрию (доб. Юрьевичу ГИМ, собр. Увар., № 670). И пришед, стал на месте, где ныне царствующий град Москва по обе стороны Москвы-реки. А тут было село велико с иными селы. И князь великий Юрья Владимирович вшел на гору и смотрит по обе стороны Москвы-реки и за Неглинну. И возлюбил те села и велел на том месте

В лето 664 седе в Киеве на великом княжении князь Юрьи Долгорукий Владимирович Манамахов. Того же лета посади сына своего князя Андрея на Володимери и на Суждали (стр. 387).

гического изучения всех известных нам списков. Вопрос о конце «Повести о зачале Москвы» будет затронут в следующей статье.

¹⁰ О летописях ГИМ, собр. Увар., № 670 и ГПБ, F.IV.343 вкратце можно сказать следующее. Хотя и та и другая летописи в целом представляют собой нечто отличное друг от друга (так, уваровская рукопись — это краткий летописец, рассказывающий о внешних и главным образом внутренних событиях русской истории, имеющий в числе своих источников Синописис, хронографические статьи, возможно Никоновскую летопись; летописец F.IV.343 пространен, основную массу его записей составляют русские статьи одного из видов третьей редакции Хронографа), в них можно выявить общую для обеих часть. Общее начинается с рассказа о Владимире Мономахе и прослеживается почти на всем протяжении рукописей: здесь в основном идут краткие сообщения о возведении церквей и других строений в Москве и иных городах, говорится о рождении и преставлении царей, митрополитов, рассказывается о пожарах и знамениях. Наличие общей для обеих рукописей части не позволяет, однако, ставить их в прямую зависимость друг от друга, в каждой из них имеются сведения, отсутствующие в другой. Это касается и записей обеих летописей, близких по изложению к летописным известиям «Повести»: в целом они сходны, но имеют и различия. В летописце F.IV.343, за исключением единичных чтений, они ближе к русским статьям Хронографа 1512 г. и нашей «Повести», в уваровской же рукописи они кажутся иногда искаженными, повновленными по какому-то источнику, возможно летописи, подобной Никоновской. Для сравнения с записями «Повести» приводим текст только летописца F.IV.343, как наиболее для нас интересного, и иногда лишь разночтения из летописца собр. Увар., № 670.

Князь же великий Юри не стерпя хулы его и поведевает боярина онаго ухватити и смерти предати. Сыны же его видево млада суца и лепы зело и дщерь едину, такову же лепу суцу отсла во Владимир к сыну своему, князю Андрею Юрьевичю. Сам же князь великий Юрий Владимирович возходит на гору и обозрев с нея очима своима семо и омаво по обе страны Москвы-реки и за Неглинною, и возлюби села оны, и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град и прозва и званием Москва-град по имени реки, текущая под ним. И отходит во Владимир к сыну своему, князю Андрею Боголюбскому и сочетает браком сына своего со дщерью Кучковою. С нею же князь Андрей и сыны прижит, но млада отыдоша ко господу. И быв у него довольно воема, заповеда сыну своему, князю Андрею, град Москву людьми населяти и распространяти. И паки возвращается в Киев, и с ним отиде в Киев и сын его, князь великий Андрей Боголюбский. Того же лета князь великий Андрей Юрьевичь Боголюбский паки возвратися вслять и принесе с собою ис Кинва во Владимир икону пресвятыя Богородицы, ею же прежде сего принесе из Царяграда и украси ю боле 30 гривен злата, кроме сребра и драгаго камения и жемчюгу, и созда церковь каменную Успения пресвятыя Богородицы, и верх ея позлати, и постави в ней икону пресвятыя Богородицы, и вда ей села лутчая и дсятое во всем (л. 129—130 об.).

В лето 6683-го июня в 29 день, и убивают его немилостивно, имуща по устех божественная словеса, и кровь убо течаше по земли праведнаго, яко же древле Авелева, еще же и ино зло приложиша к тому, яко и тело его предаша водам. Но убо не угаися сие всевидящему оку божию, но вскоре я убийцы оны суд

вскоре зделать мал град древяной и назва град Москва. [И пришед во Владимир к сыну своему Андрею] (вместо отмеченного скобками в ГИМ, собр. Увар., № 670: И пошел во Владимир к сыну своему князю Андрею Боголюбскому, и пришед во Владимир, и жил во Владимире у сына своего) и заповедав ему град Москву людьми населяти и распространяти. И возвратися великий князь Юрья Владимирович в Киев, а с ним пошел и сын его, князь великий Андрей Боголюбский (л. 5 об.—6). В лето 6666 князь велики Андрей Боголюбски, проводя отца своего князя Юрья Владимировича, возвратился и пришел ис Киева во Владимир и принес с собою ис Киева в Володимир икону пресвятыя богородицы, что прежде сего принесена из Царяграда, и украсил ея боле тритцати гривен злата, кроме сребра и драгаго камения и жемчюха и созда церковь каменную Успения пресвятыя богородицы и вверх ея позлати, и поставил в ней тое икону (л. 14).

В лето 6682 июня в 29 день убиен велики князь Андрей Боголюбской Юрьевичь от бояр своих от Акима Кучкова с товарищи во Владимире (л. 14 об.).

В лето 666 прииде с Киева в Володимерь князь великий Андрей и созда церковь камену Успение Святыя Богородица соборную, и вда ей села лучшая и десятое во всем (стр. 387).

постиже, еже явлено бысть и всем (л. 132—132 об.).

В лето убо 6683-е прииде ис Киева во Владимир брат его, Михайло Юрьевичь и избри убийцы брата своего, и телеса их вверже в езеро. А жену его повеле повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков, да накажутся и прочии впредь таковая не творити к тому, и седе на великом княжении в Володимере, и бив лето едино и умре (л. 132 об.).

И в лето 6685 седе на великое княжение в Володимере великий князь Всеволод Юрьвичь, и пристави к церкви святых Богородицы четыре верхи, юже брат его созда, князь великий Андрей Боголюбский, и позлати я, а на своем дворе постави церковь каменну великомученика Дмитрия, и верх ея позлати. И бысть имя его славно по всей земли, и на татарех дань имал, и владаше всею землею Рускою и до моря Волгою, 35 лет княжив и преставися в лето 6720 апреля в 25 день (лл. 132 об.—133).

И по нем начаша княжити сынове его и сродичи, и быша между ими брани мнози и нахождения поганых татар на Рускую землю, и пленение Руской земли, и побиение многих князей русских от татар, и бысть княжения их лет 25. Оттоле начат Руская земля работати татаром. Посем начат княжити в Володимере великий князь Юрий Всеволодичь, при нем же бысть Батыевщина (л. 133—133 об.).

В лето 6683 пришел ис Киева в Володимир брат его, князь Михайло Юрьевичь, и изыскав убийство брата своего князя Андрея, и взя убийцов Акима Кучкова с товарищи, и велел их казнить и телеса их в коробах во езеро вкинуть, да накажутся и инья прочия так не творить, а сам был на великом княжении во Владимире одно лето и преставися (л. 14 об.).

В лето 6684 при царех греческих Алексее Порфирогините и Андроннике Комнине и Исакии нареченном Ангеле седе на великом княжении во Владимире великий князь Всеволод Юрьевичь, внук Монамахов прииде оставя Киев и киевское княжение престало [и придела к церкви пресвятыя богородицы четыре верхи, еже созда брат великий князь Андрей Боголюбский и позлати их, потом] (отмеченное скобками в ГИМ, собр. Увар., № 670 отсутствует) и на своем дворе постави церковь каменну великомученика Дмитрия и верх ея позлати. И бысть имя его славно во всей земли и на татарех дань имал, и владел всею землею рускою и до моря Волгою. И жил во Владимире 35 лет и преставися (л. 14 об.—15).

И по нем сяде во Владимире на великом княжении сын его Юрья Всеволодичь, а дети его Всеволод с ним Юрием, а други сын Константин сяде в Ростове и в Ярославли. И была меж ими брань велика и находящих от поганых многих татар и пленение на Рускую землю и убиение многих русских князей, а было такова их жития 25 лет. И с тех мест руские люди учили работать татаром. И стал жить во Владимире князь Юрья Всеволодичь, при нем была батышина, а в Цариграде царствовал Иоанн Ватаца (л. 15 об.—16).

В лето 683 убиен бысть великий князь Андрей Боголюбский от своих боляр от Кучьковичь на Петров день. И по нем седе в Володимери брат его князь Михалко, и княжив лето едино и умре (стр. 387).

При сих царих [Алексее и Исаакии] в лето 684 прииде с Киева князь великий Всеволод Юрьевичь, внук Монамахов в Володимерь на великое княжение, и пристави к церкви святых Богородица четыре верхи, еже брат его созда, князь великий Андрей Боголюбский и позлати их и на своем дворе постави церковь каменну Дмитрия святыи, верх позлати. И бысть имя его славно по всей семли. И на татарех дань имал, и владея всею землею Рускою и до моря Волгою (стр. 388).

И по нем седе в Володимери сын его Юрьи на великом княжении, а болший брат его князь Константин на Ростове и на Ярославле (стр. 390).

В лето 6745-го за умножение грехов наших приходил на Рускую землю злочестивый царь Батый. Той же зимы взяша татарове град Москву и князя Владимира Юрьевича взяша и воеводу Филиппа Няня убиша, и вся люди посекоша и поплениша. И в лето 6746 благоверный великий князь Юрий Всеволодич убиен бысть от безбожных татар на реце на Сите. Кирил же епископ идый з Бела езера, взят тело великаго князя и положи е в Ростове, в церкви святыя Богородицы. Сего сынове: Всеволод, Мстислав, Владимир. Того же 746-го году прииде из Великаго Новаграда брат великаго князя Юрия, Ярослав Всеволодич, и седе на великом княжении во Владимире, а сына своего, князя Александра, остави в Великом Новеграде. И повеле привести тело брата своего великаго князя Георгия, и сrete его сам и весь град. Сей убо великий князь Георгий Новград Нижней созда и монастырь пресвятыя Богородицы Печерския. Пребысть же на отчи столе в Володимире 24 лета. Того же 746-го году преставися князь великий Ярослав Всеволодич во Орде нужною смертию. И прииде из великаго Новаграда во Владимир великий князь Александр Ярославич и поиде к Батюю во Орду. Видев же его Батый, удивися величеству и доброте его и почтив его отпусти (л. 133 об.—134 об.).

В лето 771-е ноябре в 14 день преставися великий князь Александр Ярославич Невский, во иноцех и в схиме, и положен бысть в Володимире, в церкви Рождества пресвятыя Богородицы. Сего сынове: Василий, Димитрий, Андрей, Данило Московский. И по нем начаша княжити в Руской земли братия и сынове его, и сын его великий князь Данило Московский. В та же лета быша на Рускую землю от татар нашествия и зла многа. Быша

...И татаровя скоро Москву взяша, а князя жива яша, а людей всех посекоша и до младенцов, и воеводу Филиппа Надина убиша... (л. 17 об.) [Ту убиен великий князь Юрий Всеволодович и сущи с ним на Сить реце. Сего сынове Всеволод, Мстислав, Владимир] (л. 18 об.; отмеченное скобками в ГИМ, собр. Увар., № 670 отсутствует). Того ж году шел Кирил епископ з Бела езера и взят тело великаго князя Юрия Всеволодовича Владимирскаго, убиеннаго на Сити реке и положи его в Ростове, в церкви пресвятыя богородицы. В лето 6746 прииде Ярослав Владимирович из великаго Новаграда брат великаго князя Георгия в Володимир на великое княжение, а в Новъграде остави сына своего Александра. И повеле принести тело брата своего великаго князя Георгия, и сrete его сам и весь град. (л. 19 об.). Сей убо великий князь Юрий Новъград Нижний созда и монастырь богородицы, пребысть же на отчи столе в Володимире лет 24 (л. 20). В лето 6756 преставися князь великий Ярослав Всеволодович во Орде (доб. нужною смертию ГИМ, собр. Увар., № 670). И прииде князь великий Александр Ярославич из Новаграда и поиде во Орду и Батюю (так!). Видев же его Батый удивися величеству и доброте его, почтив его отпусти (л. 21 об.).

В лето 771-е ноябре в князь великий Александр Ярославич Невский в чернцех и в схиме, и положен бысть в Володимире у Рождества пресвятыя богородицы. Сего сынове: Василий, Димитрий, Андрей, Даниил Московский (л. 22 об.—23) (отрывок под 6771 г. в ГИМ, собр. Увар., № 670 отсутствует).

Татарове же, пришедше, взяша Москву и великаго князя Юрия, сына Владимира, руками яша, а воеводу Филиппа Няня убиша и вся люди изсекоша и поплениша... (стр. 397). И ту убиен бысть на реце на Сити князь великий Юрий и сущи с ним. Кирил же епископ идый з Бела езера, взят тело великаго князя и положи в Ростове, в церкви святыя Богородица. Сего сынове: Всеволод, Мстислав, Владимир (стр. 398). ...В лето 6746 прииде Ярослав Всеволодич из Новаграда Великаго, брат князя великаго Юрия в Володимирь на великое княжение, а в Новеграде остави сына своего Александра. Повеле привести тело брата своего, великаго князя Юрия, и сrete его сам и весь град... Сей убо князь великий Юрий Новъград Нижний създа и монастырь в нем святыя Богородица. Пребысть же на отчи столе в Володимире 24 лет... (стр. 399). В лето 6756 преставися князь великий Ярослав Всеволодич во Орде, и прииде князь великий Александр из Новгорода, Ярославич и поиде во Орду к Батюю. Видев же его Батый, удивися величеству и доброте его, и, почтив его, отпусти (стр. 400).

В лето 6771 преставися князь великий Александр Ярославич Невский в чернцех и в схиме и положен бысть в Володимире в Рождестве святыя Богородица. Сего сынове: Василий, Димитрие, Андрей, Данило Московский (стр. 401).

же сынове великаго князя Данила Московскаго: Юрий, Александр, Борис, Иван, Афанасий. Бысть же княжения сынов Александровых и великаго князя Данила Московскаго лет 40. Сей великий князь Данило паче возлюбил в Москве жительствовати и созда его паче перваго, и гражданы насели, бе бо добродетелен и нищелюбив по премногу и к богу имаше веру и молитву, и слезы велня, и оттого прославился и паче Москва град. Пожит же на Москве князь великий Данило Александрович лет 12 и преставился в лето 811 марта в 4 день и положен бысть в своем ему в Даниловском монастыре. По нем начаша княжити в Русской земли сродичи и сынове его и бысть княжения их лет 25 (л. 134 об.—135 об.).

В лето 813 прииде на Русь Петр митрополит, поставлен Афанасием патриархом цареградским. В лето 831 заложена бысть на Москве церковь каменна соборная Успение пресвятыя Богородицы. Тое же зимы и преставися преосвященный Петр митрополит Киевский и всеа России декабря в 21 день в 3 час нощи и положен бысть в церкви святыя Богородицы, юже сам созда (л. 135 об.—136).

В лето 836 седе на великом княжении владимирском и московском сын его, князь Иван Данилович, зовомый Калита. И того же лета заложена бысть церковь каменна святаго Иоанна Спсателя Лествицы. Той же великий князь Иван Данилович в лето 838 постави на Москве церковь каменну Преображения господне у своего двора. В лето 841 едином летом князь великий Иван Данилович содела церковь каменну архистратига Михаи-

В лето 6811 марта в 4 день преставился на Москве великий князь Даниил Александрович, восприя иноческий образ и положен бысть на Москве в Даниловском монастыре. еже он сам его возградил, что ныне на берегу Москвы реки... А после ево учали царствовати дети ево и сродичи, а было такова их жития и княжения 25 лет... Великаго князя Данила сынове: Юрий, Александр, Борис, Иоан, Афанаси (л. 24 об.).

В лето 6813 Петр митрополит прииде на Русь, поставлен Афанасием, патриархом цариградским... (л. 24). Того ж 6831 лета августа в 4 день заложена на Москве соборная каменная церковь Успение богородицы Петром митрополитом и великим князем Иоанном Даниловичем... В лета 834, декабря в 21 день в неделю в третьем часу нощи преставился на Москве Петр митрополит, пас церковь божию 18 лет и 6 месяцев и положен бысть в соборной церкви пресвятыя богородицы во гроб, юже сам созда (л. 25).

В лето 6836 седе на великое княжение в Москве и в Володимире великий князь Иоан Данилович, зовомый Калита и бысть по всей земли тишина великая. В лето 838 заложена на Москве церковь каменна Иоанна Спсателя Лествицы, что ныне называют Иван Великий, а другая каменная ж апостола Петра поклонение честных вериг. В лето 838 постави на Москве церковь каменную Преображения Господна близ двора князя Иоанна

В лето 811 преставился князь велики Данило Александрович Невскаго Московский. Великаго князя Московскаго сынове: Юрьи, Александр, Борис, Иван, Афанасие (стр. 402).

В лето 813 Петр митрополит прииде на Русь, поставлен Афанасием, патриархом Цареградским... Того же лета [831] заложена бысть церкви камена соборная на Москве Успение святыя Богородица. Тое же зимы преставися преосвященный митрополит Петр Киевский и въсеа Руси декабря 20 в 3 час нощи, и положен бысть в соборной церкви святыя Богородица, юже сам създа (стр. 403).

... в лето 6836 седе на великое княжение князь великий Иван Данилович, и бысть тишина земли велна. В лето 838 поставлена бысть церкви камена Преображение у великаго князя двора на Москве... В лето 841 едином летом поставлен бысть Архангел на Москве церков камена (стр. 409).

ла. Той же великий князь Иван Данилович в лето 847 соделал около Москвы новый древян град и укрепил его зело паче первого. Во дни же княжения его бысть на России тишина велия. И начася ему писати величество: великий князь Иван Данилович владимирский и московский и всеа России. В лето 6819-го преставися князь великий Иван Данилович Калита марта в 31 день и положен бысть на Москве во Архангеле. Сего сынове: Симеон, Иван, Андрей (л. 136—137).

Даниловича и собра в него икон множество, что ныне на дворце. В лето 6841 великий князь Иоан Данилович единым летом зделал церковь каменну архистратига Михаила, что ныне в ней кладутся великие государи. В лето 6846 заложен град Москва древяной и укрепил его лутчи первого и было княжение князя Иоанна Даниловича на Москве и по всей России тишина великая и нача ему писать величество: великий князь Иоан Данилович московски и владимирский и всеа России (л. 25 об.).

... В лето 848 преставися князь великий Иван Данилович Калита марта 31 день и положен бысть на Москве во Архангеле. Сего сынове: Семен, Иван, Андрей меон, Иоан, Андрей (л. 26). (стр. 409).

Несомненная близость между приведенными отрывками летописи и «Повести» заставляет поставить вопрос: не могли ли записи летописи, подобной одной из этих, явиться той основой, на которой впоследствии возник рассказ о Москве.

Такая мысль вполне допустима, если учитывать летописный характер записей «Повести». Связь рассматриваемых текстов «Повести» и летописи очевидна. Важно только установить: не могло ли тут быть обратной связи. Может быть, не «Повесть» зависела от летописца, а летописец обратился к «Повести» о Москве, извлек из нее нужные ему известия и включил их затем в свою летопись?

Однако такое предположение кажется маловероятным. Ведь для того чтобы воспользоваться материалом «Повести», летописцу надо было бы проделать сложную работу по отслаиванию летописных записей от остальных известий рассказа: отбросить все, что касалось Кучки и его детей, опустить характеристику князя Андрея, заменить отрывок с сообщением об убийстве князя, созданный отчасти на материале Хронографа, краткой записью: «В лето 6682 июня в 29 день убиен велики князь Андрей Боголюбской Юрьевичь от бояр своих, от Акима Кучкова с товарищи во Владимире» (F.IV.343). Запись эта, кстати сказать, ничем особенно не отличается от аналогичных по содержанию записей других летописей (см., например: ПСРЛ, т. IV, ч. 2, в. 1, Пгр., 1917, стр. 168). В истории древнерусской литературы имеется много примеров использования повестей летописью, но эти повести, как правило, включены в летопись целиком или в виде отдельной своей части, случай же выборочного использования летописью одних только летописных по своему характеру известий какой-либо повести привести трудно.

В то же время обратное предположение — предположение о том, что летопись явилась источником «Повести», на препятствия не наталкивается. Действительно, во-первых, в «Повести» мы видим строгий подбор известий как в части, оканчивающейся мезью Михаила, так и в той, которая завершается Иваном Калитой. Статьи «Повести» носят выборочный характер; они производят впечатление извлеченных из летописного памят-

ника. Во-вторых, какие-либо следы «Повести» в летописи не обнаруживаются, а их можно было бы ожидать, если бы «Повесть» о Москве была в числе ее источников, особенно это могло сказаться, например, в рассказе о создании Юрием Москвы, в сообщении об убийстве Андрея Боголюбского, т. е. в отрывках «Повести», сложенных по разнородным материалам.

Кроме того, если обратиться к первому летописному отрывку «Повести» под 6633 г., то необъяснимо, почему автор, прежде чем сказать о Юрии Долгоруком, сообщает о «преставлении» Владимира Мономаха. В летописи же аналогичный ход мысли понятен [вместо «по преставлении» в летописи: «по нем (Мономахе) седе»]: только что перед этим в ней довольно пространно рассказывалось о Мономахе. Поэтому на вопрос о том: «Повестью» из летописи или, напротив, летописью из «Повести» мог быть заимствован отрывок под 6633 г. — более правильно ответить первым предположением.

Вторичность известий «Повести» по отношению к летописи ощущается и в отрывке, в котором имеется фраза, начинающаяся словами: «И быша между ими брани мнози и нахождения поганых татар на Рускую землю». В летописи аналогичному сообщению предшествует (после смерти Всеволода Юрьевича) подробное описание распределения княжеств между сыновьями и родственниками Всеволода. В «Повести» же вместо этого сказано: «И по нем начаша княжити сынове его и сродичи»; описание летописи здесь обобщено, сжато до нескольких слов. Опять-таки представить себе, что составитель летописи извлек отрывок из «Повести» и затем пространил его текст, трудно. Гораздо естественнее предположить, что и в данном случае «Повесть» шла за летописью.

Несколько слов о языке. Сравнивая одинаковые тексты летописи и «Повести», ощущаешь разницу в языке. В летописи язык достаточно прост, в «Повести» же (в той ее части, которая оканчивается сообщением о наказании убийц Андрея Боголюбского) несколько напыщен и приподнят (см. отрывки под 6633, 6666 гг.). Летописный текст, текст не «обработанный», написан простым языком, типичным для летописи, по включении же в «Повесть» с пышным вступлением, выписками из Хронографа он оказался отредактирован и подогнан под общий стиль создаваемого сочинения.

Из всего сказанного, как кажется, вытекает, что «Повесть» опирается на летопись, что все погодные записи «Повести» имели своим источником подобный упомянутым летописцам памятник.¹¹

Отметим еще, что в текстах обеих летописей, по сравнению с «Повестью», в интересующих нас отрывках встречаются и посторонние чтения, отсутствующие и в Хронографе 1512 г. Возможно, конечно, что эти чтения были и в протографе-летописце «Повести», скорее же всего это позднейшие наслоения, следы редактирования летописца-протографа. Иначе, думается, они отразились бы в «Повести».

Вот как нам представляется картина появления летописных статей «Повести». Русские статьи Хронографа 1512 г., попав в летописные

¹¹ Известия летописи F.IV.343, близкие к летописным записям «Повести», в середине отрывка под 6666 г. после слов: «а с ним пошел и сын его князь великий Андрей Боголюбский» — перебиты вставкой в них четырех повестей о Москве, в том числе и «Повестью о зачале Москвы». Однако нашим представлениям о том, что сначала была летопись, а потом только появилась «Повесть», это обстоятельство не мешает. Во-первых, в летописи ГИМ, собр. Увар., № 670 такой перебивки текста нет, по-видимому в F.IV.343 эта вставка случайна, во-вторых, как показал текстологический анализ, записи летописи F.IV.343 с летописными заметками «Повести о зачале Москвы» находящейся в ее составе, не совпадают.

тексты, прошли в них редакционную обработку по другим источникам, в результате чего одни из них по-прежнему остались близки к Хронографу, другие же в значительно большей степени изменили свой облик (имеется в виду список ГИМ, собр. Увар., № 670; см. выше, прим. 10).¹² В руках автора «Повести» оказалась летопись, где эти статьи находились в редакции, более близкой к Хронографу. Вместе с окружавшим их летописным текстом, приглянувшимся автору, они попали в его сочинение.¹³

В целом же сложение «Повести о зачале Москвы» представляется в следующем виде.

Желая отразить идею Москва — третий Рим в своей «Повести», автор обратился к мотиву поставления городов на крови и взял за первооснову летопись типа ГПБ, F. IV. 343 и ГИМ, собр. Увар., № 670, где находился рассказ об основании Москвы Юрием Долгоруким. Другим материалом для него оказалась, как предполагал еще С. К. Шамбинаго, легенда о боярине Кучке как первом владельце Москвы, которую он вкомпоновывает в летописное изложение и сказание об убийстве Андрея Боголюбского, возможно, с отголосками в нем устного рассказа об участии в убийстве жены князя.¹⁴ Наличие имен Кучки в легенде и Кучковичей в сказании, мотива «пролития крови» и в том и другом сочинениях позволяло автору связать эти произведения вместе и создать цельное повествование; он как бы прослеживал в «Повести», по выражению С. К. Шамбинаго, «всю судьбу первоначальных поселенцев Москвы, окончившуюся гибелью всего Кучкова рода».¹⁵

Следующим источником составителя «Повести», как представляется, послужили статьи Хронографа 1512 г. по всемирной истории. Были заимствованы два отрывка из глав 108 и 176 в рассказах «Царство Никифора Фоки» и «Царство Левкия Таркинна». На основе первого из них была проработана часть «Повести» с Андреем Боголюбским. Второй отрывок, касавшийся заложения Капитолия в Риме, был включен в вводную часть. Вступление, ставившее целью доказать, что Москва является третьим Римом, и открывающееся фразой старца Филофея о «трех Римах», за исключением этой последней и отрывка о заложении Капитолия, по-видимому, можно считать сочинением самого автора.

В заключение несколько слов о той предполагаемой летописи, которая послужила источником «Повести о зачале Москвы». Конечно, и здесь трудно что-либо утверждать, летопись эта могла быть близкой по типу и к летописцу F. IV. 343 и к летописцу ГИМ, собр. Увар., № 670 и представлять собой нечто, в какой-то мере только похожее на них. Скажем только одно: в «Повести» использованы известия одного и того же источника — Хронографа 1512 г. Это обращает на себя внимание и прямо (закладка Капитолия, отрывок с Андреем Боголюбским) и косвенно (летописные записи «Повести»).

Летописные записи «Повести», иначе говоря, русские статьи Хронографа 1512 г., прошедшие редакционную обработку внутри летописного

¹² Примеры использования летописями одних только русских статей Хронографа известны: в состав Русского временника (Руский временник, 2-е ч. М., 1820) включены русские статьи Хронографа 1512 г.; во Временнике, изданном в «Трудах Вятской губернской ученой архивной комиссии 1905 года» (в. 2, Вятка, 1905, стр. 1—98), имеются русские статьи третьей редакции Хронографа (по А. Попову).

¹³ В том, что летописные статьи рукописей F. IV. 343 и Увар., № 670, сходные с «Повестью», составлены по Хронографу, убеждает и то, что, например, в летописце F. IV. 343, как и в Хронографе, в этих статьях встречаются упоминания царей греческих.

¹⁴ См.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 245

¹⁵ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 72

текста в том объеме, в каком мы встречаемся с ними в «Повести», летопись, явившаяся оригиналом «Повести», во всяком случае должна была в себе заключать. Но летопись, уже имеющая в своем составе статьи, тянущие к Хронографу 1512 г., можно думать, могла и не быть ограниченной только указанным объемом, а содержать в себе и многие другие известия, восходящие к этому Хронографу. Этими известиями могли быть записи только русской истории, и тогда летопись-протограф напоминала бы летописец F.IV.343, но могла тут быть представлена и история всемирная. Если бы, в последнем случае, в этой летописи оказались 108-я и 176-я главы Хронографа 1512 г., то картина сложения «Повести» была бы совсем простой: в «Повести о зачале Москвы» статьи Хронографа 1512 г. потому оказались так широко использованы, что источник ее — летопись сама заключала в себе многочисленные извлечения из него, представляла собой произведение того типа, который А. Попов относит к хронографам особого состава.¹⁶

¹⁶ Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2, см., например, хронографы архиепископа Пахомия (стр. 236, сл.), Погодинского древнехранилища № 1452 (стр. 271).